

Medical Science Monitor и The Scientific World Journal, обеспечивший Cell Transplantation полуторакратный рост импакт-фактора.

Большой резонанс получила история малоизвестного литовского журнала Technological and Economic Development of Economy (TEDE). Этот журнал лишь в 2000 году был учрежден Вильнюсским технологическим университетом, но в Journal Citation Reports за 2010 год он внезапно оказался третьим в рейтинге экономических журналов WoS — с показателями цитирований за два предшествующих года выше, чем у Journal of Political Economy или American Economic Review. У «феноменального успеха» было простое объяснение: 60% всех цитирований статей из TEDE в 2010 году было обеспечено за счет ссылок в пяти журналах, издаваемых тем же Вильнюсским технологическим университетом (включая 24% самоцитирований), а еще 23% дали ссылки из двух других литовских журналов.

Реакцией на манипуляции стало ужесточение политики WoS и Scopus в отношении самоцитирования и взаимочитирования. В частности, Scopus стал отдельно рассчитывать импакт-фактор без учета цитирований из данного журнала, а WoS, используя определенные «пороговые значения», стал исключать журналы из SCI Report при выявлении перекрестного цитирования, ведущего к «ненормальному» росту импакт-факторов.

В июне 2018 года возник публичный скандал, связанный с исключением из SCI Report за 2017 год двух ведущих журналов по истории экономической мысли: Journal of the History of Economic Thought (JHET, издатель Cambridge University Press) и European Journal of the History of Economic Thought (EJHET, издатель Routledge). Причина: появление в другом, гораздо менее известном, издаваемом в Италии журнале History of Economic Ideas (HEI) обзора литературы по истории экономической мысли, в котором было много ссылок на статьи из JHET и EJHET, что привело к взрывному росту индекса цитирований для этих журналов. А уже это дало основание компании Clarivate Analytics, владеющей с 2016 года базой Web of Science, заподозрить эти три журнала в сговоре с целью завышения своих индексов.

Однако, как показано в комментарии на сайте Institute for New Economic Thinking (<https://www.ineteconomics.org/perspectives/blog/boycott-the-journal-rankings>), искажения в стимулах к цитированию в данном случае были порождены не сговором между журналами (так как HEI не получил обратного потока цитирований), а стали следствием формализованной системы оценки научных исследований на основе данных WoS и Scopus, введенной правительством Италии: основываясь на данных WoS и Scopus, правительственное агентство формирует список журналов, публикации в которых позволяют пройти аттестацию, преподавать на докторских программах и получить должность профессора. Ученым важно, чтобы определенные журналы по их направлениям относились в национальном рейтинге к высшей категории А, поэтому у них есть стимул активно цитировать эти журналы (вне связи с потребностью в реальных ссылках), тем самым увеличивая их рейтинг. И в небольших дисциплинах с малым числом профильных журналов это может вести к «взрывному» росту уровня цитирований — как это получилось с JHET и EJHET.

Но аналитики WoS и Scopus, обрабатывающие данные о миллионах статей в десятках тысяч журналов, не в состоянии отслеживать такие детали. Они действуют в формализованной логике «пороговых значений», при превышении которых для соответствующих журналов начинают действовать санкции. Парадокс в том, что если такие формальные пороги не превышаются, то журналы сомнительного качества сохраняют места в рейтингах. В частности, упоминавшийся выше литовский журнал TEDE по состоянию на август 2018 года продолжал входить в WoS — на почетном 31-м месте среди 353 экономических журналов (<https://journals.vgtu.lt/index.php/TEDE>) с импакт-фактором 3,244. Для сравнения — у весьма известного и уважаемого Journal of Comparative Economics, издаваемого Elsevier в сотрудничестве с Association for Comparative Economic Studies, импакт-фактор в 2017 году составил лишь 1,236.

Россия и мировые рейтинги

Таким образом ориентация администраторов на глобальные рейтинги вызывает оппортунизм у недобросовестных издателей, а для некоторых дисциплин создает и серьезные содержательные проблемы. Например, в АНЦЭА уже несколько лет идет дискуссия, как жесткий фокус на публикации в зарубежных журналах, заданный документами российского правительства («программа 5/100» или оценка институтов РАН), влияет на формирование тематики экономических исследований. Исследователи выбирают темы, которые потенциально «проходимы» для международных журналов. Однако, по моей личной оценке, из общего перечня проблем, актуальных для современной российской экономики, в лучшем случае 10% могут вызывать интерес у международных научных журналов — оставшиеся 90% воспринимаются либо как уже решенные в большинстве стран мира, либо как специфические. То есть у нас возникает разрыв между набором проблем, которые актуальны в России и для решения которых нужна экономическая экспертиза, и той научной тематикой, к которой подталкивает система стимулов в ведущих университетах и в РАН, с фокусом на публикации в журналах, индексируемых WoS и Scopus. А мои контакты с коллегами из Германии, Франции, Японии и других неанглоязычных стран показывают, что такие же проблемы характерны и у них, для многих дисциплин в социальных и гуманитарных науках — просто потому, что

— Томский государственный университет, один из старейших в России (основан в 1878 году) в рейтинге Times Higher Education входит в группу 501-600

многие темы исследований имеют сильную национальную специфику и для местных ученых гораздо эффективнее обсуждать их между собой на родном языке в национальных журналах.

Означает ли все это, что глобальные рейтинги университетов и международные базы цитирований искажают реальность и на них не нужно обращать внимания? Нет, не означает. Наука уже превратилась в глобальную отрасль, ученым в каждой стране будет все труднее продолжать деятельность, не ведя диалог на международном уровне. А правительства и научные фонды объективно нуждаются в независимой оценке научных исследований, в том числе в сравнении с международными конкурентами. Поэтому некуда деваться от рейтингов и международных баз цитирований.

Но публикации в хороших международных журналах — это просто один из индикаторов профессионального признания, не нужно превращать их в фетиш.

Одновременно необходимо развивать и поддерживать собственную национальную инфраструктуру научных коммуникаций. Шагом в этом направлении был запуск в середине 2000-х Российского индекса научного цитирования (РИНЦ). Однако и он во многом повторил проблемы WoS и Scopus — в особенности в социальных науках, где в базе РИНЦ оказались сотни низкокачественных журналов. Показательна, в частности, ситуация с экономическими науками, которые в РИНЦ на август 2018 года были представлены 1256 российскими журналами. Хотя в «список ВАК» — перечень журналов, публикации в которых учитываются при защите кандидатских и докторских диссертаций, — из них включены только 240. А база WoS по всему миру включает лишь 353 экономических журнала.

Для разграничения всей этой массы журналов по качеству на основе общепринятых критериев научных публикаций полезной оказалась идея «внешней оценки» — через кооперацию РИНЦ с WoS. Этот совместный проект был реализован в 2015 году и привел к тому, что из 14 307 российских журналов было выделено 1097, которые вошли в ядро РИНЦ, и 769 журналов, которые были включены в Russian Science Citation Index (RSCI) на платформе Web of Science. Показательно, что по экономическим наукам в эти списки попали соответственно лишь 36 и 28 журналов.

Но подобные экспертные оценки не могут повлиять на окружающую среду, если не появляются институты, готовые применять их на практике. И здесь важную роль может сыграть переход с 2017 года группы ведущих университетов и институтов РАН к созданию собственных диссертационных советов (вне системы ВАК) и присуждению собственных степеней. Быстрого эффекта ждать не стоит, но это очень значимый шаг с точки зрения запуска институциональной конкуренции. Ставка на репутацию университета при присуждении научных степеней будет формировать для академической аудитории сигналы о качестве журналов, публикации в которых данный университет учитывает при защите диссертаций. Такой подход приведет к падению спроса на «мусорные» журналы.

Но наряду с расчищением от «завалов» нужны и способы поддержки сильных журналов — с пониманием, что издание хорошего журнала с полноценными процедурами рецензирования и соблюдением стандартов научных публикаций требует серьезных ресурсов. Помимо продвижения результатов российских исследований в англоязычном пространстве (о чем недавно заговорили на уровне правительства — <http://www.interfax.ru/russia/623673>) необходимо поддерживать сильные русскоязычные журналы, так как для развития отечественной науки нужны регулярные научные коммуникации на русском языке. Каналом такой поддержки, на мой взгляд, могла бы стать система грантов для журналов, включенных в RSCI или в «ядро» РИНЦ.